

А.ЭЙДЕЛЬШТЕЙН

СТИХИ

ПАМЯТЬ

75 лет подвигу народного ополчения Москвы

1941-2016

Москва

«Onebook.ru»

2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)64-5
Э30

Эйдельштейн А.

Э30 Память: Стихи.—2-е изд.—М.: ООО «САМ Полиграфист», 2016
—28 с., илл.

ISBN 978-5-00077-513-4

Составление, вступительная статья И.В.Меликова

Оформление художника В.А.Белова

Финансовая поддержка издания Ю.А.Гольдмана

Подписано в печать 10.08.2016 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Тираж 266 экз. Заказ № 62214

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист».
109316, г. Москва, Волгоградский проспект,
дом 42, корп. 5, «Технополис Москва».
www.onebook.ru

ISBN 978-5-00077-513-4

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)64-5
ISBN 978-5-00077-513-4

© А.З.Эйдельштейн, 2016

*Посвящаю светлой памяти моего отца -
Эйдельштейна Зямы Ароновича и всех
бойцов 2-й Дивизии народного ополчения
Сталинского района Москвы, погибших и
пропавших без вести в боях под Вязьмой
осенью 1941 года.*

Аркадий Эйдельштейн

Памяти воинов 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы

Предлагаемые вниманию читателей стихи написал Аркадий Эйдельштейн - сын пропавшего без вести в октябре (?) 1941 года в боях под Вязьмой ополченца 1284 полка 2-й Стрелковой дивизии (до 26 сентября 1941 г. – 2-я Дивизия народного ополчения Сталинского района Москвы, 2-я ДНО) **Эйдельштейна Зямы Ароновича**. В сборник включены стихи, тематически связанные с судьбой 2-й ДНО.

З.А.Эйдельштейн родился в 1906 году. До войны он жил с женой Пуховицкой Галиной Лазаревной и только что родившимся сыном Аркадием в Сталинском районе Москвы на Первомайской улице в доме 13а в комнате 41 (впоследствии 3-я Парковая ул, 27) и работал на «Парижская коммуна» (видимо, артель, а не фабрика), расположенной в Сталинском районе Москвы.

В июле 1941 года вместе с тысячами москвичей, живших в Сталинском районе Москвы или работавших на его предприятиях, он по велению сердца записался в Народное ополчение и был зачислен во 2-ю Дивизию народного ополчения Сталинского района Москвы.

В начале октября 1941 года во время наступления фашистских войск (операция “Тайфун”) 2-я СД, входившая в состав 32-й, а позднее 19-й Армии, занимала позиции в районе реки Вязьма, обороняя шоссе Москва-Минск и прилегающие к нему территории Вяземского района Смоленской области.

В то время большая часть наших войск попала в окружение и была вынуждена с боями прорываться на восток. На прорыв пошли и два полка (1282 и 1286) 2-й СД во главе с командиром дивизии Владимиром Романовичем Вашкевичем, которому вместе с частью бойцов дивизии удалось выйти из окружения. Как писал он впоследствии в своих воспоминаниях, “...**1284-й** стрелковый полк, оставленный на реке Вязьме для прикрытия прорыва 19-й Армии на восток, свою трудную задачу выполнил. Весь день 11 октября он огнем и контратаками отражал попытки крупных сил

немецко-фашистских войск переправиться на восточный берег реки Вязьмы. Бойцы мужественно сражались, проявляли стойкость и героизм... Только небольшой части полка удалось выйти из окружения и присоединиться к своим войскам”.

З.А.Эйдельштейна не было среди них. Как и многих других бойцов, убитых в этом бою, умерших от ран или взятых в плен и считавшихся пропавшими без вести.

Его сын Аркадий - один из старейших поисковиков-документалистов, который с 1980-х годов пытается не только выяснить судьбу своего отца и его полка, но и приоткрыть “тайну забвения” всей дивизии. Дивизии, которой по полной досталось от немцев в период проведения ими операции “Тайфун”. Недаром на немецких картах Вяземского котла дивизия была отмечена не номером, а именем – Stalin. В полной мере потом досталось и от своих: дивизию расформировали, несмотря на выход из окружения довольно большого отряда во главе с комдивом генералом В.Р.Вашкевичем. Хотя с некоторыми другими дивизиями так не поступили.

А в последующие годы дивизию ждало полное забвение. В доступных архивах нет документов по формированию и боевому пути 2-й Дивизии народного ополчения.

Дивизию живём похоронили.

*Не разбирая виноватых или правых,
Судьбу решили “телефонным правом”.*

А бой ночной и яркую борьбу

Накрыли саваном забвения – “табу”.

За ЧТО??? За то, что этими бойцами, в том числе, ополченцами, заткнули безысходный даже не фронтовой, а государственный провал, и они своими жизнями практически спасали Москву? За то, что люди ушли от семей, в которых было и двое, и даже четверо (!) детей, обрекая их на голодное существование, а то и на смерть? За то, что ушли в ополчение с заводов, фабрик, из учреждений, территориально располагавшихся в **Сталинском** районе Москвы?

Стихи А.Эйдельштейна именно об этой боли, они идут из кровоточащего до сих пор сыновьего сердца. Они написаны от имени всех пропавших без вести и погибших ополченцев летнего призыва 1941 года, в том числе воинов 2-й Дивизии народного ополчения.

Несколько лет уже в Москве работает Региональная ОБЩЕСТВЕННАЯ организация (РОО) содействия сохранению

памяти воинов 2-й стрелковой дивизии Народного Ополчения Сталинского района Москвы¹. В инициативную группу (“штаб дивизии”) входят дети, внуки и правнуки ополченцев. За это время было возвращено из забвения около 8000 (!) имён воинов 2-й ДНО.

Огромную практическую помощь в поиске останков бойцов и следов 1284 полка, в котором служил З.А.Эйдельштейн, оказывает поисковый отряд “Победа”, город Железнодорожный Московской области, командир Владимир Юрьевич Шульга. 6 мая 2016 года бойцы отряда установили памятный Поклонный Крест на месте последнего боя 1284 полка в урочище Бухоново Вяземского района Смоленской области (см. илл. на с.27). А 10 сентября прикрепили к Кресту несколько медальонов с фотографиями бойцов 1284 полка, в том числе З.А.Эйдельштейна и В.А.Меликова, а также списки бойцов-жителей Петушинского района Московской (ныне Владимирской) области и погибших от рук фашистов местных жителей.

В этой нелёгкой и скрупулёзной работе неоценимую помощь поисковикам оказывает автор предлагаемых вниманию стихов благодаря своим энциклопедическим знаниям проблемы, накопленному за долгие годы поисков и исследований опыту, острой памяти. И неувядающему стремлению приоткрыть тайну 2-й ДНО, пролить свет на её рождение, жизнь, смерть, забвение и способствовать возрождению памяти о ней и её бойцах-ополченцах. Это представляется тем более ценным, если учесть, что он вынужден находиться на длительном лечении онкологической болезни за пределами своей родины, не порывая с ней и своими соратниками по работе – потомками бойцов 2-й ДНО связь благодаря имеющимся современным электронным средствам.

В год 75-й годовщины со дня Вяземских событий, обороны Москвы и победоносного завершения Московской битвы мы помним, какую трагическую, но и победоносную роль сыграли погибшие московские ополченцы, в том числе и воины 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы.

Публикацию стихов с согласия автора подготовил И.В.Меликов, сын ополченца 1284 полка 2-й ДНО Меликова Владимира Александровича, пропавшего без вести в октябре 1941 года в боях на восточном берегу реки Вязьма

¹ “Штаб” РОО находится по адресу: 105318, Москва, ул. Благуша, дом 6, стр.1. Тел.(495) 366-0874. Отв. Блинков Евгений Александрович

СЛОВО О 2-Й ОПОЛЧЕНСКОЙ

1

Я пуповиною прирос к военной теме
И возвращаюсь к ней из разу в раз.
Подчас “Последние известия” и “Время”
Воспринимаю как “В последний час”.

Мальчонка, я не мог “ковать победу”.
Моя война – салюты над Москвой.
Да ложка с рыбьим жиром за обедом:
“За папу!” Он - на фронте. Он – герой.

В предания уходит 45-й.
А мне покоя не даёт война.
Безвестно павшего не воскресить солдата,
Но должно всех назвать по именам.

Посмертной выше нет награды для солдата,
Чем пядь земли с фамилией и датой.

2

Постичь пытаюсь горький 41-й
И Сталинской дивизии судьбу.
Хочу развеять домыслы и скверны,
Предать огласке гнусное табу.

Дивизия московских ополченцев
Пошла, как в песне, в свой последний бой.
И не одно свинцом пробито сердце
У Вязьмы по-над Бебрею-рекой.

Партийцем каждый был по убеждениям:
На подвиг – как на труд, без лишних слов.
Приказано прорвать удавку окруженья –
Они прорвали, всем смертям назло.

В цепи бойцов, пошедших на прорыв,
Взяв в руки автомат, шагал комдив.

3

В успех ли не поверили атаки,
С изъяном был ли изначальный план –
Но атакующих не поддержали с флангов.
За ними вновь защёлкнулся капкан.

Так окружение стало катастрофой.
Изодран в клочья фронт советских армий.
А ополченцам выпала Голгофа:
За неудачи отвечает крайний.

За то, что пала тень на имя полу-Бога,
С дивизией расправились жестоко.
Что было воинству фон Бока не по силам,
В Москве политики совершили:

Дивизию живьём похоронили.
Не разбирая виноватых или правых,
Судьбу решили “телефонным правом”.
А бой ночной и ярую борьбу
Накрыли саваном забвения – “табу”.

Жонглируя постыдно номерами,
Другим и имя отдали, и знамя.
А сталинцев – в небытие
И в Не-су-щест-во-ванье.

Читай тех лет партийные анналы –
Дивизии такой, считай, не создавали.
Так, фактам вопреки, без совести зазрения
Сановное возоблададо мнение.

А след героев, смертью смерть поправших,
Искать приходится в полках не воевавших.

Не обрету покоя и в гробу:
Из Книги Памяти сочится яд “табу”.
Моим врагам такую бы судьбу.

ПОЯС СЛАВЫ

Жизнь – это поле, нива, жито.
Смерть собирает дань на поле битвы.
Но место, где в сражении кровавом,
Сумело войско уберечь державу,
В народе называют Полею Славы.

На запад от Москвы не поле – Пояс Славы.
И бой под Вязьмою вошел в него по праву.

...Суровая година – 41-й.
Фронт Западный в кольце,
В тиски зажат Резервный.
Бушует на Смоленщине “Тайфун”²,
Нацеливая стрелы на Москву.

Уже моторы прогревают танки,
Горючим под обрез заполнив баки:
У Вязьмы изготовился к броску
Тевтонский рыцарь, крестоносный Функ.³

И Сталин Лукину⁴ радиограмму мечет:
“Москву оборонять и некому, и нечем.
Спешите выводить войска из окруженья
На поле Бородинского сраженья”.

² Название операции немецких войск в районе Смоленска и Вязьмы

³ Генерал Ханс Фрайхерр фон Функ, командир 7-й немецкой танковой дивизии во время боёв под Вязьмой

⁴ Генерал-лейтенант Михаил Фёдорович Лукин, командующий советской 19-й армией

К востоку от Днепра полки пошли немедля,
С проклятою ордой сошлись на речке Бебре.
И смертным боем били супостата,
Как в старину дружина Коловрата.

Свинцом кормила щедро иноземцев
Дивизия народных ополченцев.

А там, где угощенья не хватало,
Врага в своей крови топила алой.
Под Богородицким так окропила травы,
Что Бел-ручей с тех пор течет Кровавым.

Цейтнотом обернулся блиц врагу.
И, сколько бы ни ярился “Тайфун”,
Увяз у Вязьмы на неделю Функ.

Сердец бронёю заслонив Москву,
Погибло ополчение, но уже
Встал Жуков на Можайском рубеже.

От Яхромы и Крюкова до Нары
То в пояс травы, то гранит и мрамор.
Пролег по сердцу шрамом.

ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ

Давно оталели знамёна в Берлине,
Но живы гримасы войны и поныне.
Они затаились, как ржавые мины,
Чтоб исподволь жалить с шипеньем змеиным.
Опасны, как в горле застрявшая кость.
Познаться с гримасой и мне довелось.

Однажды (на стыке веков это было)
С поклоном мы ездили к братским могилам.
Чтя память московских бойцов-ополченцев,
Чьи судьбы поныне тревожат нам сердце,
Под Вязьмой объехали всё, что могли.
Везде брал я горстку священной земли.
Щепотку, не больше. Однако же к дому
С пакетом вернулся довольно весомым.

Готовился к тризне. Пока суд да дело,
Неделя одна за другой пролетела.
Но вот уже с надписью урна готова.
Заветный пакет поднимаю я снова...
На миг, показалось, померк белый свет:
Землём - словно кровью - сочился пакет.

В невольном волненье задумался я:
О чём мне поведать хотела земля?!

ЖУРАВЛИ НАД БЕБРЕЙ

Зима не за горами. Но на север
От Вязьмы тянут журавли,
На Бебрю, где мели свинцовые метели,
Где вои безымянно полегли.

Над Богородицким, над скорбным полем брани
На запад повернул пернатый клин.
Чтоб донести “Курлы” до Серезани,
Как реквием. И в тоже время гимн.

Не там ли я, пока был полон сил,
По Вяземским просёлкам колесил?
Не в одиночестве искал я по полесьям –
Со мной кружили журавли Бернеса.
А с ними вместе отыскать я смог
Те веси, где полёг отцовский полк.
С тех пор уже немалый минул срок.

Коль скоро я вдали от Вяземской земли,
Маршрут мой повторили журавли.
Вслед помыслам моим порой предзимней
На север журавли тянули клином.

Небытие развей, солдат!
Встань - взорли хоть на минуту,
Услышь победные салюты,
Узнай про праздничный парад.

Безвестный воин ополченья,
Ты в жизни сделал всё, что мог.
“Тайфуна” вихри превозмог.
Теперь превозмоги забвенья.

Под Богородицким ваш самый главный бой.
Среди сражений крупных неприметен,
Был этот бой отнюдь не рядовой.
Он красною строкой в сказаньях о Победе.

От Яузы-реки колоннами на Днепр.
А позже марш-броски и смертный бой на Бебре.
Кто сосчитает ваши километры?
Позиций и эскарпов кубометры?

С лопатой и киркой под воспалённым небом,
Когда ни дождичка, ни дуновенья ветра.
Всё сдюжили, смогли как надлежит солдатам.
По пальцам перечесть, кто встретил 45-й.

“Быть по сему!” - Так фактам вопреки
Сановное законом стало мненье.
А смертью смерть поправшие полки
Разогнаны и преданы забвенью.

Но вслушайся, звучит в урочный час:
“В победном будущем не забывайте нас!”

Отгрохотало, отсвистело, отпылало.
Под Богородицким покой и тишина.
Лишь обелиск скорбит на Поле Славы,
Тая подспудно павших имена.

К Вам не склонялись траурно знамена,
Не издавала медь щемящий всхлип,
Когда, прикрыв Москву, по-батальонно
Вы в землю безымянно полегли.

Напрасно ждали матери и жены,
Отцов увидеть дети не смогли.
Лишь вновь и вновь у Вязьмы
Песней-стоном
Потомков окликают журавли.

ПАМЯТИ МОСКОВСКИХ ОПОЛЧЕНЦЕВ⁵

Под Вязьмою и Ельней войны умолкнул гром.
Герои ополчения спят непробудным сном.
Свою избрали долю – на поле брани смерть,
Познав, что малой кровью врага не одолеть.

Когда огнем и сталью свирепствовал “Тайфун”,
Послал их в пекло Сталин прикрыть пути в Москву.
Повел их долг в атаку, в последний смертный бой
Сковать чужие танки, пожертвовав собой.

Не смог паучий вермахт сломить большевиков,
Тех, чье оружие – Вера да к Родине Любовь.
С винтовкой трехлинейной “За Родину! Вперед!”
Погибло ополчение в лихой военный год.

⁵ Перепев “Москвичей” Бернеса: “ В полях за Вислой сонной...”.

ХОЖДЕНИЕ В 41-й

Был человек – и нет.
Ты где погиб, отец?
Десятки лет твой след
Ищу.

И, наконец,

Негаданно-нечаянно
В туманах умолчания
“Бухоново”, “Нечаево”⁶
Забрезжили названия.

Давно селений этих нет,
Но, словно луч звезды,
Сквозь годы долетел их свет:
Здесь, посреди беды,

Встав костью в горле вражеском,
Держал рубеж Завяземский
В прикрытии оставленный
Твой ополченский полк.

Здесь без вести пропавшие
Ходили в рукопашную,
Пока пыталась армия
Пробиться на восток.

Куда ни глянь, пожарами
Угрюмел окоём.
На фланге у **Хожаево**⁷
Полёг твой батальон.

^{6, 7} - Названия деревень в районе боёв под Вязьмой 1284 стрелкового полка

Сюда, на ниву скорбную,
Ворон слеталась стая.
Снежок на раны корпией,
Ложась, уже не таял.

Но трижды за два года
Здесь бесновался фронт,
И в горе всенародном
Твой затерялся стон.

Как знать, не в **Серезани**⁸ ли,
Где храм был над рекой,
Могила безымянная
Твой бережёт покой?

А может там, где росами
Упала кровь в поля?
Где медальонов россыпи
Ещё таит земля?

Ты там, где не скорбит гранит,
Не рвется в вечность пламя.
Лишь Книга памяти хранит
Средь тех, кто без вести убит,
И Эйдельштейна Зяму.

⁸ Название деревни в районе боёв под Вязьмой 1284 стрелкового полка

ПОМИНОВЕНИЕ

Не носивший никогда шинели,
В Сорок первом по призыву сердца
Дать отпор незванным иноземцам
Ты ушёл от детской колыбели.

Штык примкнув к винтовке трёхлинейной,
Новобранцем рати ополченской,
В беспощадной сече под Смоленском
Грудь подставил огненной метели.

Большевик-москвич, под Вязьмой-Ельней,
Врост поднявшись у высоты энской,
Под “Ура!” редеющие всплески,
“Это есть...” - шагнул в свинца кипенье.

Где? - не знаю, поперхнувшись стоном,
Вероятно на ручье Кровавом,
Окропив росой алой траву,
Землю обнял ты непокорённым.

Мне поведать могут только тени –
Стражи Богородских перелесков,
Где он, медальон красноармейский,
Литер в вечность Зямы Эйдельштейна.

Веря не в загробье, а в балладу
Об усталом клине журавлином,
Чтоб сказать "Прости" отцу-солдату,
Сам готов лететь в туманной сини.

ПАМЯТНОЕ УТРО

Во все окно небес голубизна.
В ребячем сердце музыка и солнце.
“Сынок! Сегодня кончилась война!” –
“А скоро с фронта папа наш вернется?”

Что можно несмышлёнышу сказать?
Четвертый год известий нет от мужа.
В смятении мама прятала глаза,
Плести словесных не пытаюсь кружев.

А день вставал, хмелея без вина.
Наперекор страданиям и бедам.
Кровь отерев и пот, моя Страна
Встречала долгожданную Победу.

От зимы к зиме, от лета к лету
Вереницы дат нисходят в Лету..
Всё, что было важным и насущным,
Устарев, становится ненужным.

Через сколько поколений данность эта
Дымкою окутает Победу?
Но пока, забыв былые раны,
На парад выходят ветераны.

ПРОХОДЯТ ГОДЫ – НЕ ПРОХОДИТ БОЛЬ

Проходят годы - не проходит боль.
Сквозь дымку времени: война, колхоз “Эрфолг”...⁹
Не ведая ещё, что сахар бел как соль,
Вещаю я вчерашним колонистам,
Что папа мой - на фронте, бьёт фашистов.

Потом Москва. Салюты. 45-й.
Но нет, как нет с войны домой солдата.
Опять безвестность ожидания, нервы.
А год спустя: “Безвестно. В 41-м”.
Строку к строке, как строчку автомата,
В нас разрядил ответ военкомата,
Печатями скрепив сиротство и утрату.

Хрустально веры брызнули осколки.
Как без вести? Ведь папа - не иголка!
Пропап? Но не погиб? И место есть надежде?
Мы с мамой будем ждать ещё сильнее, чем прежде!

И только повзрослев, дорос я до резона,
Что коммунист, еврей был в Рейхе вне закона.
И голову сложил он в ополченье
Без права рабской жизни на коленях.
А если б выжить смог, то от Отца народов
Наградю клеймо: “Космополит безродный”.

⁹ “Эрфолг” (успех, достижение) - немецкий колхоз в Чкаловской (Оренбургской) области, в который мы попали в эвакуацию. Уцелел, когда уничтожали республику немцев Поволжья.

Приходит новый царь - приходят перемены.
Так Первый секретарь, придя Вождю на смену,
Не мог не даровать свободу дважды пленным...
Изгоя с вестью ждём. Но даже с почтальоном
Не передал никто прощального поклона.

Заговорил Смирнов¹⁰. Вострю напрасно ухо.
О Вязьме ни бывальщины, ни слухов.
Штудирую тома о времени суровом –
О Сталинской дивизии ни слова.
“Ничто - твердят витии - не забыто”.
А где ж могилы без вести убитых?!?

Лишь в девяностых, встретив ветеранов,
Я смог поврачевать неведения раны.
Увидел обелиск и школьные музеи.
Их посетив отнюдь не ротозеем,
Узнал, как рать в аду, свинцово-перекрестном,
Стренила “Тайфун” и канула в неизвестность.
Постиг, какой ценой, невенчанная славой,
Спасла она столицу и державу.
И почему ручей народ назвал Кровавым.

На сахаре висков заиндевела соль.
И не с кем вспомнить дойч-колхоз “Эрфольг”.
С годами всё мучительнее боль:
Как уходить, не отыскав останки
Отца, пошедшего на вражеские танки?

¹⁰ Писатель Сергей Сергеевич Смирнов, один из первых открыл тему неизвестных героев в истории Великой Отечественной войны, подобных защитникам Брестской крепости

ВМЕСТО РОДОСЛОВНОЙ

Часть 1. Предтеча (поколение российских пращуров)

Вдали от Сиона, в изгнании вечном,
В местечках обрёл свою пристань предтеча.
В местечках за той окаянной чертою,
Где жизнь отбывать дозволялось изгоям.
В местечках, где пуще небесного грома,
Страшили пришельцев кошмары погрома
За то, что молились нездешнему Богу
И лба не крестили, ходя в синагогу.
В местечках, где множились годы покорно,
Где главным был цвет до рыжелости чёрный.
Но века двадцатого грянули штормы.

Часть 2. Отцы

Расправив отнюдь не саженные плечи,
“Вперёд, заре на встречу!”
Отцов поколенье ушло из местечек,
Ушло, чтоб ослабив семейные узы,
Крепить нерушимое братство Союза.
Ушло, чтоб однажды, под знаменем алым,
Погибнуть в бою за свои идеалы.
А тех, кто не бросил родного погоста,
Жгли нелюдь и нечисть в кострах Холокоста,
Такие на род мой обрушились беды –
Не всякий десятый дожил до Победы,

Часть 3. Предынешние дни и сейчас

Ещё кровоточить не кончили раны,
Пришлось ехать братьям по-за океаны.
Один на юру, нет ни справа, ни слева
Побегов ветвистого некогда древа.
Открылись границы, но я, как ни странно,
Земли не приемлю обетованной.
Я - русский еврей, и останусь навечно
В краю, приютившем когда-то предтечу,
Умру - кто зажжёт поминальные свечи?

КТО Я

О, да! Воображенье – не моя стихия.
Над вымыслом, возвысив факт суровый,
Публицистически пишу стихи я,
Рачительно работаю со словом.
Воображенье – не моя стихия.
О, нет! Я – не поэт.
И всё же непрестанно
Творю десятки лет,
Отнюдь не графоманно.
Однако – не поэт.

Кто я?
Себя же повторив,
Отвечу, как когда-то:
Служу бессрочно в войске рифм
Нестроевым солдатом.
Не жду ни званий, ни наград
И повторяю снова:
Кто я? –
Поэзии солдат и ополченец слова.

СЫНОВИЙ ДОЛГ

Из многих стран на карте мира
Одна притягивает взгляд.
Та, что звалась в тиши квартирной
“Обетованная земля”.

Земля, в которой жил мой пращур,
Из праха возродилась вновь.
Всё беспокойнее и чаще
Её манящий слышу зов.

Но в сердце отдаётся резко:
“С собой будь честен до конца:
Ты до сих пор в краю Смоленском
Не отыскал следов отца.

Полвека в “без вести пропавших”,
А помнит ли таких страна?
Пока его нет в списке павших,
Твоя не кончилась война”.

И потому на зов манящий
Ответ мой по-солдатски прост:
“Пока не сменит разводящий,
Я не могу покинуть пост”.

Поисковики отряда “Победа” и группа потомков ополченцев 2-й ДНО Москвы у Поклонного креста в память о бойцах 1284 стрелкового полка

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящение	3
Вступительная статья	4
Слово о 2-й Ополченской	7
Пояс Славы	10
Память земли	12
Журавли над Бебрей	13
Небытие развей, солдат...	14
Под Богородицким ваш самый главный бой...	14
От Яузы-реки колоннами на Днепр...	14
“Быть по сему!”...	15
Отгрохотало, отсвистело, отпылало...	15
К Вам не склонялись траурно знамёна...	15
Памяти Московских ополченцев	16
Хождение в 41-й год	17
Поминование	19
Памятное утро	20
От зимы к зиме, от лета к лету...	20
Проходят годы – не проходит боль	21
Вместо родословной	23
Кто я	25
Сыновий долг	26
Иллюстрация: у Поклонного Креста	27